

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА КЛАДОВА

кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы, методист, Межрегиональный учебно-методический центр «Паритет» (Москва, Российская Федерация)

natakladova@rambler.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Анализируется система образов романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в аспекте родственных связей. Цель работы – раскрыть художественную значимость родственных отношений героев. Данные отношения исследуются в соответствии с логикой повествования в ракурсе художественной концепции романа, показывается их многоплановая семантическая наполненность. Отмечается «вырванность» из семейного круга одних героев и пренебрежение семейными узами другими; в противовес – существование Алеша в мире, как в родной семье. Раскрывается искаженная сущность карамазовской семьи, в которой устранио Отцовское начало – в религиозно-нравственном смысле. Кроме того, пренебрежение героями родственной связью умножается на поругание святости чувства любви: любовные отношения выстраиваются на ложных принципах и во исполнение корыстных желаний; но снова в противовес: истинная братне-сестринская духовная связь возникнет между Алешей и Грушенькой. Анализ указанных аспектов художественного мира «Братьев Карамазовых» позволяет сделать вывод о том, что способность или неспособность того или иного героя вступать в отношения родства отражает его внутреннюю сущность, характеризует как способного или неспособного быть частью человеческого целого. Содержательная основа романного действия – мысль о всеобщем родстве человечества как его исконном состоянии. Поэтому родственные отношения – важный смысловой компонент художественной идеи романа. Результаты исследования указывают на то, что понятие *родство* было наполнено уникальным смыслом в творческом сознании Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Братья Карамазовы», родственные отношения, семья, художественная идея, роман, система образов, сорность

«Старец говорит, что Бог дал родных, чтобы учиться на них любви» (15: 205) – запись, сделанная Достоевским в черновиках к «Братьям Карамазовым». И мысль, положенная им в основу художественного мира романа. Бог дал каждому из братьев друг друга, и каждый брат на других братьях учился любви, благодаря чему стало созидаться братство, выходящее за рамки генетического родства...

В литературоведении уже давно признано, что последний роман Достоевского наиболее вобрал в себя религиозно-философские смыслы. В. Н. Захаров называет «Братьев Карамазовых» христианским метароманом [6]. По мнению К. А. Степаняна, в романе «главной становится тема схождения на людей Святого Духа» [16]. О пути к обретению Бога как основном мотиве произведения писали Е. В. Сосницкая [15], Т. В. Зверева [7], К. В. Каминская [8], Р. Л. Джексон [4], О. А. Ларионова [13], С. Л. Шараков [20], Ф. Б. Тарасов [17], А. Л. Волынский [2], И. И. Евлампиев [5] и др. Е. М. Мелетинский, осмысливая семью Карамазовых как образ России, оппозицию *русское/нерусское* сопрягает с оппозицией *вера в Бога/безверие*, «определяющей возможность спасения души, преодоления хаоса» [14: 67]. Идею единения во Христе как основопо-

лагающую в художественном мире романа, по справедливому признанию большинства исследователей, считаем, необходимо рассматривать в совокупности с идеей родства.

Учеными уже указано на значимость отдельных эпизодов, образов, мотивов, связанных с понятием родства, довольно глубоко раскрыто их семантическое наполнение. Так, О. А. Фарфонова в диссертации, посвященной мотивной структуре романа, исследовала мотив дома [18: 132–139], А. Г. Гачева выявила религиозный аспект понятия «семья» [3: 66]. На тему отцеубийства как определяющую в художественном мире произведения указывали В. Е. Ветловская [1: 174, 184], Е. В. Ковина [11: 233] и др. Однако в ходе целостного анализа творчества Достоевского – художественного и публицистического – мы пришли к выводу о том, что в «Братьях Карамазовых», как и в других произведениях писателя (за редкими исключениями), идея родства является структурирующей художественный мир и создающей глубокий философский подтекст повествования. Цель настоящей статьи – раскрыть художественную значимость родственных отношений героев романа «Братья Карамазовы».

С миссией «собрать» человеческое целое на основе духовного родства послал в мир Алексея

Карамазова старец Зосима, который еще стоял «единицей». Но ученика это не смущало: «Все равно, он свят, в его сердце тайна обновления для всех, та мощь, которая установит наконец правду на земле, и будут все святы, и будут любить друг друга» (14: 29)... В подготовительных материалах к роману читаем: «Семейство расширяется, вступают и неродные, заткалось начало нового организма» (15: 249). В finale произведения автор оставляет открытый вопрос о том, состоятся ли малые семьи, за которые на протяжении всего повествования идет такая ожесточенная, нечеловеческая борьба (Грушенька + Митя, Катерина Ивановна + Иван, Лиза Хохлакова + Алеша), ибо зарождается семья всечеловеческая, евангельская – у Илюшечкина камня... духовной силой Алеши. Это – самый дорогой Достоевскому образ будущего духовно единого человечества. Художественный же мир романа до финального эпизода – мир, в котором преданы поруганию родственные связи.

Большинство героев в «Братьях Карамазовых» находятся в отношениях родства. Петр Александрович Миусов – двоюродный брат первой жены Федора Павловича и Аделаиды Ивановны; Калганов – дальний родственник Миусова; Смердяков, согласно легенде, основательно укоренившейся в умах жителей Скотопригоньевска, сын Федора Павловича. Грушенька, как выяснилось на суде (конец романа!), двоюродная сестра Ракитина. Ранее на предположение Алеши об этом родстве Ракитин отреагировал так: «Я Грушеньке не могу быть родней, публичной девке, прошу понять-с!» (14: 77). Ценность родственных отношений определяется социальным положением. Весь скандал в монастыре, нужно заметить, разгорается от нежелания признавать Петром Александровичем родственную связь с Федором Карамазовым. Поэтому очень значимым становится подтекст фразы Зосимы, обращенной к собравшемуся у него в келье карамазовскому семейству: «Не стесняйтесь, будьте совершенно *как дома* (курсив мой. – Н. К.)» (14: 40). У Карамазовых нет *своего дома*; старец предлагает им обрести *дом* – духовный.

Все остальные герои (Катерина Ивановна – Грушенька – Карамазовы) могли бы быть вовлечены в единый родственный круг (по крайней мере, предпринимали попытки к этому), если бы оказались способными на любовно-духовную связь. Но в романном мире семьи создаются по иному принципу. Ракитин собирается образовывать семью по финансовым соображениям: «строя куры Хохлаковой», он мечтает о деньгах, на которые каменный дом в Петербурге купит (15: 29). Первая супруга Федора Павловича – Аделаида Ивановна Миусова, «девушка с приданым, да еще и красивая» (заметим, красота – дополнительная характеристика, наличие приданого – основная!) – мужа своего презирала, обиодной любви вовсе не было. Их общий ребенок – Дмит-

рий, которого в трехлетнем возрасте мать оставила, сбежав с любовником. Отец же завел в доме гарем, о сыне забыл совершенно. Родня ребенка по матери тоже о нем забыла. Митя принял на свое попечение слуга Григорий. Далее взялся за воспитание «сироты» двоюродный брат Аделаиды Ивановны Петр Александрович Миусов, однако вскоре, уезжая в Париж, поручил ребенка одной из своих двоюродных теток, потом и вовсе забыл о нем. Когда тетка умерла, Митя перешел к одной из ее замужних дочерей. В итоге отношения «отец – сын» установились на денежной основе: они заключили сделку на получение сыном доходов с имения.

Вторая супруга Федора Павловича Софья Ивановна была безродной с детства, выросла в богатом доме знатной генеральши. Федор Павлович прельстился ее невинной красотой и, пользуясь ее смирением и безответностью, устраивал в доме оргии. Их общие дети – Иван и Алексей – так же, как Митя, были забыты и заброшены отцом и так же попали к Григорию. Потом детей взяла к себе генеральша, у которой росла Софья; после ее смерти о них стал заботиться Ефим Петрович Поленов. Братья Карамазовы встретились друг с другом уже взрослыми!

Лизавета Смердящая тоже человек без семьи. Мать ее умерла, отец, бездомный, разорившийся, сильно запивавший мещанин, часто бил дочь. Когда же он умер, сирота Лизавета обрела иную – духовную – семью. С окружающими незнакомыми людьми у героини установились теплые, родственные отношения: ее впускали в дом, угощали калачиками и бубликами, и так же легко принимали их, когда отдавала она. Это те отношения, которые формирует подлинное человеческое общество. Факт того, что сиротство человека находит отклик в сердцах других, указывает на возможность преодоления его в мире. Лизавета родила Павла Смердякова в бане Карамазовых (молва приписала отцовство Федору Павловичу). Новорожденного и умирающую мать нашел Григорий, он «взял младенца, принес в дом, посадил жену и положил его к ней на колени, к самой ее груди: “Божье дитя-сирота – всем родня, а нам с тобой подавно. <...> Питай и впредь не плачь” (курсив мой. – Н. К.)» (14: 92–93). Здесь скрыта очень важная мысль о всеобщем родстве человечества как его исконном состоянии.

Эту идею заключает в себе и образ младшего брата Карамазова. Алеша находит дом везде, где оказывается. «Очутившись в доме своего благодетеля и воспитателя, Ефима Петровича Поленова, он до того привязал к себе всех в этом семействе, что его *решительно считали там как бы за родное дитя* (курсив мой. – Н. К.)» (14: 9). После смерти Поленова его дальние родственники приютили мальчика... Однако бездомность Алеши – не сиротство Дмитрия или Ивана, но существование со всеми, как с родными.

Капитан Снегирев (когда Алеша войдет в его избу) произнесет фразу, очень точно отражающую сущность семьи в ее должном воплощении: «Позвольте же отрекомендоваться вполне: моя семья, мои две дочери и мой сын – мой помет-с. Умру я, кто-то их возлюбит-с? А пока живу я, кто-то меня, скверненьского, кроме них возлюбит? Великое это дело устроил Господь для каждого человека в моем роде-с. Ибо надобно, чтоб и человека в моем роде мог хоть кто-нибудь возлюбить-с...» (14: 183). На вопрос сомневающейся в вере матери Лизы Хохлаковой: «Чем доказать?» – Зосима отвечает: «Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить Ваших ближних действительно и неустанно» (14: 52). Важно подчеркнуть то, что Зосима говорил о любви к ближнему, а не к абстрактному человечеству, как мыслит Хохлакова. Любовь к ближнему – единственное возможная основа образования семьи. Старец явил собой действительный пример человеческого единения. Через восемь лет он встретил своего денщика Афанасия, которого как-то в порыве злобы ударил. Тот обрадовался, пригласил в дом, а прощаясь, дал полтину. Это был момент «великого человеческого единения». Показательно пояснение Зосимы: «Почему не быть слуге моему как бы мне *родным*, так что приму его наконец *в семью свою* и *воздадуюсь сему?* (курсив мой. – Н. К.)» (14: 287–288). Достоевский создает невидимые параллели, усиливающие контраст наличного мира и должного быть: Смердяков – *брать* (по отцу) Ивану, Дмитрию, Алеше – становится, по сути, их *слугой*. «Земной» сюжет оказывается перевернутым по отношению к тому, что может быть и что случается эпизодически, как отблеск истинного человеческого сосуществования.

В карамазовской семье любовь к ближнему заменена на апелляцию к суду, родственные отношения – на экономические. В художественном мире романа потеряно Отцовское начало – не только в физическом (убийство), но и в метафизическом смысле, любовь Отца.

Смердяков – олицетворение дьявольской силы, испытующей духовную прочность людей, проверяющей их способность к всечеловеческому единению (иначе – способность вступить в отношения всечеловеческого родства). По желанию людей он устраняет *Отца* – высшее начало, то есть дает материальное воплощение греху, поселившемуся в душах брата Мити и брата Ивана... и не только. Лиза в разговоре с Алешей делает примечательное наблюдение: все любят, что Митя отца убил, – и Алеша соглашается.

Пренебрежение родственной связью во второй книге романа умножается на поругание святости чувства любви: любовные отношения героев выстраиваются на ложных принципах. К ссорам отца и сына из-за спорных денег добавляется «нелепое и уродливое» соперничество за сладострастное обладание Грушенькой. Дмитрий

готов уступить Ивану свою невесту Катерину Ивановну. Сюжетный ход – в начале романа невестой Мити была Катерина Ивановна, в конце невестой становится Грушенька – метафорически воплощает, полагаем, антитезу: брак, искаженный в своей духовной сущности, и брак действительный, который созидаются, в первую очередь, прощением ложной любви. Катерина Ивановна – *ложная невеста* Мити, неспособная «подать луковку», не верующая в невиновность Мити; Грушенька – *истинная*, поверившая слову жениха «не я убил». Она в самый нужный момент оказывает духовную помощь Мите, «поддерживает душу». Не случайно вопрос о венчании становится главным для невинно осужденного героя. Грустно-символично получилось: Митю арестовали в тот самый миг, когда Груша стала его невестой.

Обозначенную нами антитезу далее усиливает вопрос о доверии и поддержке. Катерина Ивановна выписывает из Москвы доктора, для того чтобы тот засвидетельствовал помешательство Мити в момент совершения убийства. И она оказывается не одинокой в своих побуждениях. Иван также убежден в виновности Мити, точнее, ему очень хочется быть в этом убежденным, поскольку это означает: не он, Иван, убил. Ракитину нужно написать статью с направлением: «нельзя было ему не убить, заеден средой».

Грушенька же оказалась способной поверить в невиновность Мити, на что он «дрожащим голосом отозвался»: «Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу!» (14: 455). Митя вопрошают и Алешу, верит ли тот в его виновность, и на отрицательный ответ отзывается: «– Спасибо тебе! <...> Теперь ты меня *воздорил...* (курсив мой. – Н. К.)» (15: 36).

Со стороны Катерины Ивановны мы видим требующую одобрения, поощрения добродетель, помочь «на показ». Она прислала Дмитрию записку, в которой предлагается к нему в невесты с целью спасти его. «Она свою добродетель любит, а не меня, – невольно, но почти злобно вырвалось вдруг у Дмитрия Федоровича» (14: 108). От Алеши героиня тоже ждет поощрения своего «сестринского» чувства, считает себя пожертвовавшей ему жизнь. Катерина Ивановна очень хотела, чтобы Груша отказалась Дмитрию. Соперничество между невестами – и с той, и с другой стороны – не столько исключительно за жениха, сколько за удовлетворение своего самолюбия, этого-желания обладать другим: Катерина Ивановна «любит» Митю, чтобы быть добродетельной и поощряемой за это (не хочет быть невестой, но другом или сестрой!), Грушенька Митей забавлялась, чтобы к другому не бежать (то есть не выглядеть «собачонкой»).

Истинная братне-сестринская духовная связь возникнет между Алешей и Грушенькой. Ракитин ведет Алешу к Грушеньке, преследуя

двойную цель: 1) увидеть «позор праведного» и вероятное «падение» Алеша («проглотить» гостя желала и Груша); 2) получить 25 рублей от Грушеньки, обещанные ею за «доставку» ангела Алеши. Но у Груши пропадает желание «глотать» ангела после услышанной новости о смерти старца Зосимы. И это действие героини имело первостепенное значение для Алеши: «Я шел сюда злую душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел сестру искреннюю, нашел сокровище – душу любящую... <...> Ты мою душу сейчас восстановила (курсив мой. – Н. К.)» (14: 318). Для Груши нареченность сестрой тоже оказалась очень значимой, она призналась в том, что никогда этого не забудет. Это, на наш взгляд, один из ключевых эпизодов романа, поскольку заключает в себе важную авторскую мысль: духовная поддержка обладает эффектом отражения, усиливая, делая более прочной связь между людьми.

В целом важность подобного сестринского чувства в человеческом обществе раскрывает рассказанная Грушей басня, которую она слышала от кухарки Матрены. Басня повествует о злющей-презлющей бабе, хотевшей единолично спастись из огненного озера посредством протянутой ангелом луковки. Луковка, точно замечает Т. А. Касаткина, «становится связью, соединяющей личности в единство, которое и есть рай». «Таким образом, согласно «Луковке», в ад попадают неспособные к восстановлению, к воссоединению со всеми». «Пребывание в аду <...> есть закупоривание внутри своей самости, без внутренней возможности установить связь со всем, и тем более без возможности эту связь, будь даже она случайно установлена, сохранить» [9: 307–308]. Аналогично раскрывает смысл легенды о луковке Е. В. Костенко: «К спасению можно прийти не индивидуальным путем, а всем вместе», то есть в легенде явлен «путь соборного спасения» [12: 88–90]. Груша в данном эпизоде сделала шаг к обретению подлинной связи со всеми. Алеше суждено еще более эту связь укрепить: через видение он стал участником брачного пира в Кане Галилейской. Эта евангельская аллюзия образует метафизический подтекст, выражая на глубинном уровне основную идею романа. На свадебном пире – то есть на пире, обозначающем зарождение новой семьи, – могут быть только те, кто способен преодолеть погруженность в себя и обратить свою душу к другому. Иначе: действительная семья – это союз людей, созидающийся на духовно-любовной основе. И в этом союзе нужно уметь не только подавать, но и принимать луковку.

Грушенька просит у Мити прощения – за то, что думала: любит другого, за то, что мучила его со злобы. Далее в ее словах возникает мотив всеобщего прощения: «Кабы Богом была, всех бы людей простила: «Милые мои грешнички, с этого

дня прощаю всех». А я пойду прощения просить: «Простите, добрые люди, бабу глупую, вот что». Зверь я, вот что. А молиться хочу. Я луковку подала» (14: 397). Но для того, чтобы прощать, не нужно быть Богом. Примечательно: сама героиня хочет просить прощения именно у людей, а не у Бога (*простите, добрые люди...*).

Митя так же, как и Алеша, признается в том, что Грушенька подала ему луковку. Он «просит луковку» и у Алеши, говоря ему о предложении Ивана бежать и спрашивая совета. Герой не может выбрать: с одной стороны, без Груши он жить не в состоянии, а каторжных, возможно, не венчают; с другой – от страдания убежит. И Алеша «подает луковку»: «После суда сам и решишь; тогда сам в себе нового человека найдешь, он и решит» (15: 35). Митя решил. «Если я и убегу, даже с деньгами и паспортом и даже в Америку, то меня еще ободряет та мысль, что не на радость убегу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой!» (15: 186).

Когда Дмитрий узнал о том, что Григорий жив, его первым порывом было поделиться радостью с Грушенькой. «Этот стариk, – признается герой, – ведь он носил меня на руках, господа, мыл меня в корыте, когда меня трехлетнего ребенка все покинули, был *отцом родным!*.. (курсив мой. – Н. К.)» (14: 413–414). Смерть Григория (если бы это случилось) более острой болью отозвалась бы в душе Мити, нежели отозвалась смерть собственного, генетически родного, отца. Отцовство, как мы уже указали, многогранное понятие у Достоевского, где прямой смысл почти полностью нивелируется глубинным, философским. И радость о том, что жив «отец родной», обязательно нужно разделить с невестой, которая способна радоваться такой же радостью. Так рождается одна радость на всех – радость прочной духовной связаннысти родственных душ.

Читая сон Мити о плачущем «дитё», мы понимаем, что здесь тоже радость духовного просветления неотделима от мысли существования невесты и ощущения себя как жениха. Но на эту духовную перемену Мити нет отклика среди власти имущих. Искренно обращаясь к суду, герой просит поверить в его невиновность, но не получает ответа. Иная реакция народного мира. Когда осужденного увозили, «у ворот столпились люди, мужики, бабы, ямщики, все уставились на Митя.

– Прощайте, Божьи люди! – крикнул им вдруг с телеги Митя.

– И нас прости, – раздались два-три голоса» (14: 460).

Иная реакция и невесты Грушеньки:

«– Сказала тебе, что твоя, и буду твоя, пойду с тобой навек, куда бы тебя ни решили. Прощай, безвинно погубивший себя человек!

Губки ее вздрогнули, слезы потекли из глаз» (14: 460).

Когда Катерина Ивановна приходит к Мите после совершившегося суда, его первый вопрос: «простила или нет?» Вопрос самый важный в данный момент: только положительный ответ «поддержит душу». Но героиня не в состоянии понять всю значимость этого вопроса для Мити.

Один эпизодический, на первый взгляд, диалог многое добавляет к художественной концепции романа. Груша приютила «скитающегося приживальщика» Максимова, который говорит ей:

«— Я Ваших благодеяний не стою-с, я ничтожен-с, — проговорил слезящимся голосом Максимов. — Лучше бы Вы расточали благодеяния Ваши тем, которые нужнее меня-с.

— Эх, всякий нужен, Максимушка, и по чему узнать, кто кого нужней» (15: 8).

«Нужность» каждого, невозможность устранить ни одного, если человечество хочет жить в светлом, гармоничном мире, есть составляющая идеи всеобщей — семейной — связанности. Поэтому далее герои заняты в основном тем, что решают для себя вопрос о своей «нужности» в человеческом целом. Лиза Хохлакова, например, признается, что не хочет быть счастливою, а хочет, чтобы кто-нибудь ее истерзал, обманул... Она не желает делать доброе, у нее есть внутренняя потребность делать зло — чтобы нигде ничего не осталось. Остро ощущая необходимость помочи, которую Алеша действительно может ей оказать, и отказываясь от нее, Лиза лишает себя возможности быть членом всесоветской семьи; она не готова быть женой Алеша. Их намечавшийся брак так и не состоится.

Не случайно в finale романа Митя посыпает Алешу к Ивану: он понимает, что только младший брат способен вернуть Ивана в большую семью. ««Люби Ивана!» — вспомнились ему вдруг сейчашиие слова Мити» (15: 36). И Алеша идет к брату.

На неверие Алеши в то, что Митя убил, Иван «холодно» и даже «высокомерно», а потом «свирепо» спрашивает: кто же? Брат отвечает: «Не ты убийца, слышишь меня, не ты! Меня Бог послал тебе это сказать» (15: 40)... Фраза «не ты убил», безусловно, одна из самых «многослойных» в романе и, может быть, одна из самых загадочных. Она — и отражение всепрощающей безусловной любви (которую Иван воспринял как сигнал того, что у брата была мысль о его, Ивана, виновности), и попытка облегчить душевную боль родного человека, сняв с него ощущение греховности. Иван не принимает «луковку» Алеши: заявляет, что разрывает с ним навсегда, и уходит, не обворачиваясь. Возможно, герой чувствует, что труд покаяния и очищения для него очень тяжел или вовсе неподъемен. Возможно, и Алеша это почувствовал, потому и проявил сострадание-жалость к слабости брата. Символичный эпизод: у Смердякова Иван видит книгу «Святого отца нашего Исаака Сирина слова» и накрывает ею три тысячи, украденные слугой у Федора Павловича, то есть он механически устраняет из поля видимо-

сти атрибут преступления, тогда как «устранение» должно произойти в его внутреннем человеке — том, который воскрес в Мите. Для Ивана еще закрыт путь поиска в себе Божественного начала. Смердяков недвусмысленно намекнул, что герой не найдет «третьего», то есть Бога. Стоит отметить, что изначально Смердяков испытывал Ивана на «пункте» — желает или не желает он смерти отца, а потом высказал ему: если он уехал, то тем самым дал понять, что не препятствует убийству отца. Слова лакея: «Главный убивец во всем здесь единый Вы-с, а я только самый не главный, хоть это и я убил. А Вы самый законный убивец и есть!» (15: 63) — прямо противоположны словам Алеши. Смердяков обнажил перед Иваном суть его в настоящий момент (допустив в своем сознании убийство отца, Иван становится таким образом сопричастным людскому отвержению высшего начала жизни) — Алеша обозначил его сущность, должную быть.

При третьем свидании со Смердяковым Иван решает признаться в своей виновности, после чего поднимает с заботой и пристраивает мужичонка, которого, идя к Смердякову, ударил и оставил замерзать на улице. В статье Н. И. Квашко и В. В. Соломоновой есть интересное наблюдение: «Иван, наткнувшись на пьяного мужика без сознания, хлопочет о нем, устраивая на ночлег, не жалеет для него денег, слово в слово почти повторяя евангельскую притчу о добром Самарянине. Для чего же? Иисус говорит эту притчу законнику, задавшему вопрос “а кто мой ближний?” <...> утверждая ближним любого человека, а особенно нуждающегося в любви и помощи. Именно это-то и делает Иван, прежде утверждавший невозможность такой любви» [10: 72].

Показательно, что признание Ивана происходит вопреки тому, что герой получает математическое доказательство виновности Мити — его письмо с грозным обещанием убить отца, чтобы вернуть деньги Катерине Ивановне. Более того, позже Алеша сообщает Ивану о том, что повесился Смердяков. Соответственно, для Ивана наступит ситуация свободы от подозрений... Но он признается. И открывает себе этим признанием путь к воссоединению с человеческим целым.

В художественном мире романа есть еще одна семья — Снегиревых, в доме которых установилась мрачная атмосфера предчувствия смерти. Илюша, желая облегчить горе отца, советует взять другого мальчика вместо него. Реакция отца — самая правильная: «Не хочу хорошего мальчика! не хочу другого мальчика! <...> Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильпнет...» (14: 507). Алеша пояснит эту библейскую аллюзию: «Это из Библии: “Аще забуду тебе, Иерусалиме”, то есть если забуду все, что есть самого у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...» (14: 508). Но «самое драгоценное» в этой семье давно разрушается — «усилиями» наивно-эгоистичной матери: пушечку, которую Коля

принес в подарок Илюше, мама хочет иметь как подаренную ей. Илюша же лишен эгоизма, он с легкостью отдает пушечку маме. Не случайно подлинное человеческое единение в романе состоялось среди мальчиков. На похороны Илюшечки собралось человек двенадцать его товарищей. Один из них – Коля – очень хочет, чтобы друга можно было воскресить.

Идея воскресения каждого умершего,озвученная «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, отображает в художественном пространстве Достоевского необходимость духовной связанности каждого с каждым в человеческом мире, то есть мечту писателя о мире как единой *семье*. Не случайны здесь образы детей. Федоров в своей книге очень определенно говорит о том, что именно дитя, «не только не понимающее еще ни рангов, ни чинов, ни всех отличий, установившихся вне Царствия Божия, разрушивших родство,

возникших на его руинах, но и сознающее свое родство со всеми без различия положений или не знающее ничего, вне родства заключающегося», способно на духовное единение с человеческим целым [19]. Алешин завет мальчикам звучит так: «Не забывайте никогда, как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединенным таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчику, может быть, лучшими, чем мы есть в самом деле» (15: 195). Они идут на поминки «рука в руку». Жизненный путь не может быть в одиночку.

Карамазовская семья в романе стала образом всего человеческого мира – в наличном его состоянии. Союз мальчиков, собравшихся у камня, это тот образ человеческого единения в любви, к которому идут три брата Карамазовы: воистину, «Бог дал родных, чтобы учиться на них любви».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14, 15. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
2. Волынский А. Л. Человекобог и Богочеловек // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. М.: Книга, 1990. С. 74–85.
3. Гачева А. Г. Ф. М. Достоевский и Н. Ф. Федоров: линии духовного родства // Текст, контекст, интертекст. Т. 3. М.: МГПУ, 2012. С. 61–75.
4. Джексон Р. Л. Речь Алеши у камня: «целая картина» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 275–295.
5. Евlampьев И. И. Между «сладострастием наскокомого» и «громовым воплем восторга серафимов»: смысл человеческой жизни в художественном мире Ф. Достоевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2009. Вып. 2. С. 25–36.
6. Захаров В. Н. Осанна в горниле сомнений // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 694–710.
7. Зверева Т. В. Проблема слова и структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Ижевск: УГУ, 1998. 122 с.
8. Каминская К. В. Евангельские мотивы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филологические этюды. Саратов: Научная книга, 2007. Вып. 10. Ч. 1–2. С. 68–73.
9. Касаткина Т. А. «Братья Карамазовы»: опыт микроанализа текста // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 283–319.
10. Квашко Н. И., Соломонова В. В. Тесные врата «спасения» (путь Ивана Карамазова в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Святоотеческие традиции в русской литературе. Омск: Вариант-Омск, 2009. С. 68–73.
11. Ковина Е. В. Художественная картина мира в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: время, пространство, человек: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 266 с.
12. Костенко Е. В. «Легенда о луковке» как символ милосердия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток: Типография ДГТУ, 2009. № 4 (8). С. 88–90.
13. Ларионова О. А. Духовный путь человека: опыт земной жизни старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Альманах современной науки и образования. Языкоизнание и литературоведение в синхронии и диахронии. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2007. С. 175–177.
14. Мелетинский Е. М. Достоевский в свете исторической поэтики. Как сделаны «Братья Карамазовы». М.: РГГУ, 1996. 112 с.
15. Сосницкая Е. В. Путь духовного совершенствования личности (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») // История. Культура. Духовность. Калуга: Полиграф-Информ, 2005. Вып. 5–6. С. 99–104.
16. Степанян К. А. «Братья Карамазовы»: лик земной и вечная истина // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 711–731.
17. Тарасов Ф. Б. Евангельский текст в художественной концепции «Братьев Карамазовых» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М.: Наука, 2007. С. 332–378.
18. Фарфонова О. А. Мотивная структура романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2003. 202 с.
19. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litres.ru/nikolay-fedorov/vopros-o-bratstve-ili-rodstve-o-prichinah-nebratskogo-nerodstvennogo-t-e-nemirnogo-sostoyaniya-mira-i-osredstvah-k-vosstanovleniu-rodstva> (дата обращение 14.05.2014).
20. Шарков С. Л. Идея спасения в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 391–398.

Kladova N. A., Interregional training center “Parity” (Moscow, Russian Federation)

ARTISTIC MEANINGS OF RELATIONSHIPS AMONG CHARACTERS
IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL “THE BROTHERS KARAMAZOV”

The present article is devoted to the analysis of images of the novel by F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov” in the aspect of relationships. The article aims to reveal the artistic significance of relationships among characters of the novel. The author investigates, in accordance with the logic of the narrative, these relationships from the perspective of artistic conception. The study reveals their multifaceted semantic completeness. “Disengagement” from the family circle of some characters and disregard to the family ties by the others was noted; in contrast to the existence of Alyosha in the world as his own family. A distorted nature of Karamazov's family was brought to light. It is further stated that the neglect of the novel's heroes to the kindred bonds is multiplied by the desecration of the sanctity of the feeling of love: loving relationships are built on false principles and are aimed to fulfill selfish desires; but again in contrast to the true brotherly relationships established between Alyosha and Grushenka. The author comes to a conclusion that the ability or inability of one or another hero to enter into a relationship reflects his or her inner essence, characterizes him or her as an able or unable character of the human whole. The substantial basis of the novel is an idea of the universal kinship of the whole humanity as its original condition. Therefore, human relationships are an important semantic component of the novel's artistic ideas. The research results presented in the paper suggest that the concept of kinship was filled with unique meanings developed by the creative consciousness of F. M. Dostoevsky.

Key words: F. M. Dostoevsky, “The Brothers Karamazov”, relationships, family, artistic idea, a novel, system of images, the unity

REFERENCES

1. V et l o v s k a j a V. E. *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”* [The Novel F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2007. 640 p.
2. V o l y n s k i j A. L. *Man and the God-man [Chelovekobog i Bogochelovek]. O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy myсли*. Moscow, 1990. P. 74–85.
3. G a c h e v a A. G. F. M. Dostoevsky and N. F. Fedorov: lines of spiritual kinship [F. M. Dostoevskiy i N. F. Fedorov: linii dukhovnogo rodstva]. *Tekst, kontekst, intertekst*. Vol. 3. Moscow, 2012. P. 61–75.
4. D z h e k s o n R. L. Alyosha's Speech at the stone: “the whole picture” [Rech' Aleshi u kamnya: “tselaya kartina”]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov*. Vol. 4. Petrozavodsk, 2005. P. 275–295.
5. E v l a m p i e v I. I. Between “insect's sensuality” and “the thundering scream of Seraphim's delight”: the meaning of human life in the artistic world of Dostoevsky [Mezhdu “sladostrastiem nasekomogo” i “gromovym voplem vostorga serafigov”: smysl chelovecheskoy zhizni v khudozhestvennom mire F. Dostoevskogo]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. St. Petersburg*, 2009. Vol. 2. P. 25–36.
6. Z a k h a r o v V. N. Hosanna in the crucible of doubt [Osanna v gornile somneniy]. *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 694–710.
7. Z v e r e v a T. V. *Problema slova i struktura romana F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”* [The Problem of words and the structure of the novel F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. Izhevsk, UGU Publ., 1998. 122 p.
8. K a m i n s k a j a K. V. Evangelical motives in the novel by F. Dostoevsky “the Brothers Karamazov” [Evangel'skie motivy v romane F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”]. *Filologicheskie etyudy*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2007. Issue 10. № 1–2. P. 68–73.
9. K a s a t k i n a T. A. “The Brothers Karamazov”: the experience of the microanalysis of the text [“Brat'ya Karamazovy”: opyt mikroanaliza teksta]. *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 283–319.
10. K v a s h k o N. I., S o l o m o n o v a V. V. Narrow gate “of salvation” (the path of Ivan Karamazov in Dostoyevsky's novel “The Brothers Karamazov”) [Tesnye vrata “spaseniya” (put' Ivana Karamazova v romane F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”)]. *Svyatootecheskie traditsii v russkoy literature*. Omsk, 2009. P. 68–73.
11. K o v i n a E. V. *Khudozhestvennaya kartina mira v romane F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: vremya, prostranstvo, chelovek: Dis. ... kand. filol. nauk* [Artistic picture of the world in the novel of F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”: time, space, people. PhD phil. sci. dis.]. St. Petersburg, 2005. 266 p.
12. K o s t e n k o E. V. “The legend of the onion” as a symbol of relief [“Legenda o lukovke” kak simvol miloserdija]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok, 2009. № 4 (8). P. 88–90.
13. L a r i o n o v a O. A. The Spiritual path: the experience of the earthly life of the elder Zosima in Dostoyevsky's novel “The Brothers Karamazov” [Dukhovnyy put' cheloveka: opyt zemnoy zhizni startsa Zosimy v romane F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Yazykoznanie i literaturovedenie v sinkhronii i diakhronii*. Part 1. Tambov, 2007. P. 175–177.
14. M e l e t i n s k i j E. M. *Dostoevskiy v svete istoricheskoy poetiki. Kak sdelany “Brat'ya Karamazovy”* [Dostoevsky in the light of historical poetics. How are “The Brothers Karamazov” made]. Moscow, RGGU Publ., 1996. 112 p.
15. S o s n i c k a j a E. V. The Path of spiritual perfection of the individual (novel by F. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”) [Put' dukhovnogo sovershenstvovaniya lichnosti (roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”)]. *Istoriya. Kul'tura. Dukhovnost'*. Kaluga, 2005. Issue 5–6. P. 99–104.
16. S t e p a n j a n K. A. “The Brothers Karamazov”: the earthly face and eternal truth [“Brat'ya Karamazovy”: lik zemnoy i vechnaya istina]. *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 711–731.
17. T a r a s o v F. B. The Gospel text in the artistic conception of “The Brothers Karamazov” [Evangel'skiy tekst v khudozhestvennoy kontsepsiей “Brat'ev Karamazovkh”]. *Roman F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: sovremennoe sostoyanie izucheniya*. Moscow, 2007. P. 332–378.
18. F a r a f o n o v a O. A. *Motivnaya struktura romana F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”: Dis. ... kand. filol. nauk* [Motivnic structure of the novel F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”]. PhD phil. sci. dis.]. Novosibirsk, 2003. 202 p.
19. F e d o r o v N. F. *Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebrat'skogo, nerodstvennogo, t. e. nemirnogo, sostokanija mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva* [To the question of brotherhood or kinship, on the reasons for non-brotherly, unrelated, i. e. non-peaceful state of the world and on the means restoring relationships]. Available at: <http://www.litres.ru/nikolay-fedorov/vopros-o-bratstve-ili-rodstve-o-prichinakh-nebrat'skogo-nerodstvennogo-t-e-nemirnogo-sostokanija-mira-i-o-sredstvakh-k-vosstanovleniyu-rodstva> (accessed 14.05.2014).
20. S h a r a k o v S. L. The idea of salvation in the novel F. M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov” [Ideya spaseniya v romane F. M. Dostoevskogo “Brat'ya Karamazovy”]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhann*. Issue 3. Petrozavodsk, 2001. P. 391–398.

Поступила в редакцию 20.03.2017